

вейеры», карцер, а в отношении А. Б. Никольской дело дошло, как мы видели, до избиения. Скорее всего на обращение с В. Н. Перетцем (и, видимо, с М. Н. Сперанским) влиял академический ранг. С этим, вероятно, связано и то, что следствие не пыталось особенно активно заставить В. Н. Перетца, как и М. Н. Сперанского, признать себя виновным. Некоторых из подследственных обрабатывали по два-три месяца, а В. Н. Перетца уже через неделю перестали вызывать на допросы.

Если М. Н. Сперанский провел в заключении три дня, а затем большую часть следствия находился дома, дав подписку о невыезде (помогли хлопоты его брата), то В. Н. Перетц более двух месяцев оставался на Лубянке: у него не было влиятельного брата. За весь май 1934 г. в деле имеются лишь два документа, связанных между собой: письмо зав. председателя ОГПУ Я. С. Агранова И. В. Сталину и приложенный к нему «Меморандум». Письмо Агранова приводим полностью.

«150741. 26/V. Совершенно секретно. Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину.

Направляю Вам меморандум на академиков Сперанского и Перетца, обвиняемых по делу к.-р. фашистской организации, именовавшейся „Российская национальная партия“.

Виновность их доказана материалами следствия и очными ставками с рядом лиц, осужденных по данному делу.

ОГПУ считает необходимым исключить Сперанского и Перетца из состава Академии наук СССР и выслать их на три года» [8, л. 241].

В «Меморандуме» оба академика изобличаются как «члены центра» «Российской национальной партии» на основе цитат из показаний ряда арестованных. По каким-то причинам оба документа оказались в деле В. Н. Перетца, а в деле М. Н. Сперанского их нет.

Видимо, академики входили согласно иерархии в круг лиц, о которых органы ОГПУ должны были докладывать лично генсеку (члены-корреспонденты, судя по всему, в него уже не входили). Резолюции И. В. Сталина на документе нет, но все осуществилось в соответствии с аграновскими предположениями с одним изменением: благодаря хлопотам брата ссылка М. Н. Сперанского была признана условной и он до конца жизни остался в Москве.

«Судили» В. Н. Перетца вместе с М. Н. Сперанским — в отсутствие обвиняемых — 16 июня 1934 г.; он был приговорен к трем годам ссылки в Саратов. Положение академика, видимо, предопределило сравнительно мягкий приговор. Впрочем, сослан был и другой «член центра» В. Н. Кораблев (в награду за активную помощь следствию?), тогда как «рядовые члены организации» Б. Г. Крыжановский и В. В. Дроздовский получили по максимуму: десять лет лагерей. Никому из них, как и самому В. Н. Перетцу, не было суждено вернуться (в отличие от большинства осужденных). В. Н. Кораблев умер в казахской ссылке 4 февраля 1936 г. Б. Г. Крыжановский, ставший в заключении начальником планово-экономической части Дорстроя № 1 при Беломорско-Балтийских лагерях, был расстрелян 3 декабря 1937 г. за «систематическую задержку спуска производственных планов на участки» и высказывание: «Разве от хорошей жизни некоторые наркомы кончают жизнь самоубийством» [11, т. 11, л. 124]. В. В. Дроздовский, признавший всю «вину» на следствии, но достойно ведший себя в лагерях, был за «контрреволюционную агитацию» сначала отправлен в Норильск, затем 4 марта 1938 г. расстрелян.

В начале июля 1934 г. В. Н. Перетц выехал к месту ссылки. Ему предоставили еще одну льготу. Другие осужденные к ссылке по данному делу, в частности В. В. Виноградов, отправлялись из Москвы по этапу, В. Н. Перетца же освободили из-под стражи еще в Москве: московские родственники Варвары Павловны вспоминают, что он уезжал из их дома [6, с. 10]. Но тяжело больной ученый ехал в город с противопоказанным ему климатом, город, где в университете в то время не было ни филологического, ни исторического факультета. «С момента переезда Владимира Николаевича в Саратов Варвара Павловна фактически жила